

И. И. Муллонен, Т. В. Пашкова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «УСЕРДНЫЙ»
В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ*

В статье представлен семантико-мотивационный анализ двух десятков прибалтийско-финских диалектных и общенародных слов, использующихся для номинации усердного, работающего человека. Источником материала послужили диалектные словари отдельных прибалтийско-финских языков и их картотеки. Привлечены также данные этимологических словарей.

Исследование выполнено в русле этнолингвистики, успешно развивающейся в славянском языкознании, при том, что на материале прибалтийско-финских языков такого рода изысканий практически не проводилось. Привлечение в качестве сопоставления соответствующих результатов по данным русских диалектов показало, что языковой образ трудолюбивого характеризуется определенными универсалиями в мотивировке именовании. Однако прибалтийско-финские единицы отличаются и своей спецификой.

Номинации трудолюбия имеют в них вторичный характер и восходят к этимологически тесно связанным наименованиям: с одной стороны, – динамических качеств ‘быстрый, бойкий, энергичный’; с другой – душевных особенностей (‘увлеченный, страстный, жадный’). Выявлено, что они соотносятся с основами, маркирующими быстрое, резкое, интенсивное движение: от ходьбы до удара или порыва ветра. Причем значительную часть глаголов этого ряда можно уверенно квалифицировать как имеющие дескриптивную, звукоподражательную природу, которая наследуется и именованьями трудяг. Выявленная закономерность семантической эволюции (‘быстрое резкое движение’ → ‘быстрый, энергичный, страстный’ → ‘трудолюбивый’) важна для установления этимологических истоков слов, репрезентирующих идею трудолюбия, поскольку задает определенный алгоритм для такого поиска. Сейчас лексемы, репрезентирующие установленную семантическую парадигму, фактически разведены по разным этимологическим статьям и связь между ними чаще всего никак не обозначена.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, этимология, этнолингвистика, многозначность, семантико-мотивационная реконструкция, семантическая деривация, сема, семантическое поле, внутренняя форма слова, этимологическое гнездо, дескриптивная лексика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-214-221

В истории феннистики хорошо известно, с какой настороженностью, если не сказать больше, было воспринято сторонниками традиционного сравнительно-исторического языкознания исследование, в котором реконструкция этимологического гнезда основывается не столько на историко-фонетических критериях, сколько на выявлении и анализе закономерностей *семантического развития*. Имеется в виду докторская диссертация, защищенная в 1933 г. в Хельсинкском университете *Лаури Хакулине*м, ставшим впоследствии крупнейшим феннистом, работы которого востребованы до сих пор. Работа была посвящена семантическому развитию слов с экспрессивной семантикой и содержала анализ 13 этимологических гнезд, включавших по крайней мере одну лексику с метеорологической семантикой и одно экспрессивное слово [Hakulinen, 1933]. Вывод автора заключался в том, что метеорологическая семантика является примарной; «аффективная» же, в свою очередь, – секундарной. Для примера приведем седьмое гнездо с центральным словом *a(a)hku* (фин.), семантическое поле которого включает, по Хакулине, компоненты 1) резкий холодный ветер, 2) страсть, желание, спешка, нетерпеливый, жадный, 3) мусор, осадок, гуща, пепел, 4) горящие угли. В контексте данной статьи важно, что гнездо включает также эст. диал. *ahkats* ‘способный, расторопный’, фин. *ahkera* ‘усердный’, но также ‘жадный, падкий на что-л.’, глагол *ahertaa* ‘трудиться’, но также ‘мести (о метели)’, *ahava* ‘сухой, колючий холодный ветер’, *a(a)hkio* ‘обжора’. Методологически подход Л. Хакулине основывался на повторяемости *линии* семантического развития и его системности, проявляющейся во всех 13 гнездах. Для эпохи господства младограмматизма исследование, являвшееся провозвестником когнитивной парадигмы, носило, безусловно, новаторский характер. Однако его жесткая критика со стороны ряда крупных финских младограмматиков привела к тому, что на

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

протяжении многих лет финнистика не проявляла интереса к семантическим исследованиям [Koski 1999, 584]. Последние начинают развиваться только в конце XX века, при этом в области лексической семантики даже позже, чем грамматической.

На рубеже тысячелетий материал диссертации Лаури Хакулинен привлек внимание финского лингвиста Эйно Копонена, который тоже подошел к нему с позиций *исторической семантики*, однако реконструировал в начале цепочки семантического развития *ономатопоэтическую, звукоподражательную* мотивацию. Звуковой образ, связанный со многими явлениями природы, выступает в комплексе с другими чувственными восприятиями: ветер мы ощущаем как напор или давление, а также как звук, тепло или холод, движение; огонь – это свет, тепло, звук и запах. При этом помимо непосредственных чувственных реакций и восприятий должна обязательно учитываться свойственная языку метафоризация как один из принципиально важных путей рождения и развития языка [Koronen 1998, 518].

В контексте этих исходных позиций в статье предпринят *семантико-мотивационный анализ* ряда единиц, составляющих ядро семантики «трудолюбивый, усердный», который сопровождается *этимологическим анализом*, т. е. поиском внутренней формы слов, репрезентирующих идею трудолюбия. В итоге ставится цель реконструкции этапов семантического развития и логики когнитивного восприятия концепта *трудолюбия*. При этом авторы исходят из общего прибалтийско-финского контекста, ибо во многих случаях в родственных языках просматривается сходная ситуация в наборе значений, их сочетаемости и т.д. Такой подход позволяет полагать, что истоки семантической деривации были заложены уже в праязыковом слове, и обнаружить общие для прибалтийско-финского языкового мира регулярные семантические отношения. При этом использованы некоторые методологические разработки и результаты исследований, полученные в славянской этнолингвистике, напр. [Березович 2014, Толстая 2008].

Прибалтийско-финские языки / говоры обнаруживают довольно представительный список номинаций трудяг, усердных работяг, хотя он и уступает количественно соответствующим номинациям ленивцев – в силу того, что первые ориентированы на стереотипные представления, воспринимающие трудолюбие как норму на фоне лениности как «антинормы». При этом сопоставительный анализ материала разных прибалтийско-финских языков демонстрирует безусловный вторичный характер семантики трудолюбия, расположение ее в завершении иерархической структуры значений, которое к тому же «достигается» только отдельными языками или диалектами. Каждая из лексем, представленных ниже, включает в целом единый набор сем, в одних случаях более, в других – менее развернутый. За пределами анализа оставлена часть семантических модификаций общей доминантной семы, которые не обнаруживают непосредственной связи с семой «усердный». Приведенный далее список номинаций демонстрирует регулярную многозначность (термин предложен [Апресян 1974, 193–215]), при которой сочетание двух (или более) значений представлено в целой серии слов. Из номинаций, предшествующих семантике «трудолюбивый» (при этом не обязательно примарных – об этом в заключительном разделе статьи), отобраны те, которые воплощают три семантические модели: «быстрый, энергичный, бойкий», «страстный, рьяный» и «жадный». Выбор обусловлен тесной спаянностью обозначенных сем, так что их на самом деле трудно или даже невозможно разделить, вычленив в исходной лексеме. Они перетекают друг в друга, выступая в разных комбинациях, что демонстрирует размещенный ниже материал, собранный из словарей диалектов отдельных прибалтийско-финских языков. Активно привлекались также данные этимологических словарей.

Фин. *uuras* (литер. язык), в диалектах *uura, uiras*, кар. *uuras, uuraz* «усердный, ретивый, желающий работать». Исторический облик производящей основы с сочетанием *-tr-*, подвергшемся впоследствии вокализации, сохранился в вост.-фин. *utrakka* и его модификации *urakka, urakas* «трудолюбивый», а также эст. диал. *udres, udris, utris*, спектр значений которых включает, с одной стороны, сему «бодрый, быстрый, шустрый», с другой, «усердный, работающий» [Suomen kielen etymologinen... 1975, 1563–1564], демонстрируя тем самым ту семантическую парадигму, которая устанавливается и другими членами семантического поля «трудолюбивый». Правда, значение «усердный» полностью вытеснило из финской и карельской языковой практики семантику «быстрый, спорный», превратившись в основной термин для номинации трудолюбивого и притянув в свою орбиту фонетически близкие лексемы, результатом контаминации с которыми являются *uurtaa* «трудиться», *uutera* «прилежный, старательный».

Ряд продолжает фин. *kirkeä, kirkkeä*, кар. *kirkkie* «бодрый, быстрый, проворный, спорный» [Suomen sanojen alkuperä 1992, 370], [Karjalan kielen sanakirja 1974, 214], в карельских говорах этот

семантический ряд естественным образом продолжается семантическим деривативом ‘работящий’, напр. *kirkkei roadai* ‘спорый работник’, *kirkei ruavole* ‘быстрый в работе’ [Karjalan kielen sanakirja 1974, 214] и особенно выразительно в устойчивом выражении *laiska ruadaa lahes, kirkkie niemen nenäs* ‘ленивый работает [зд. ‘пашет’] на берегу залива, трудолюбивый на конце мыса’ [Karjalaisia sananpolvia 1971, 227], где выступает в антонимической паре с ленивым.

Фин. *topakka*, кар. *topakka, topakko* ‘быстрый, бойкий, энергичный, проворный’ в плане словообразования должно, видимо, рассматриваться как производное, образованное формантом *-kka* (ср. *rohmu – rohmakka, tomea – tomakka, julmie – julmakka*) от основы *toppV-*, которая, в свою очередь, воспродуцируется в кар. *toppie* ‘быстрый; усердный’. В этимологическом словаре *Suomen sanojen alkuperä* история фин. *topakka* представлена иначе: в связке с русским заимствованием *topra* (← рус. *добрый, добро*) и без упоминания кар. *toppie* [Suomen sanojen alkuperä 2000, 310]. В ряду других номинаций работяг, однако, такая интерпретация малоубедительна, в то время как связка с кар. *toppie* хорошо укладывается и в словообразовательную, и в семантическую модель.

В синонимический ряд слов с оценочной семантикой трудолюбия входит фин. *tomera*. Будучи многозначным, это слово включает довольно широкий спектр характеристик человека, которые можно объединить условно в 4 группы с относительно размытыми границами: 1) ‘энергичный, решительный, бойкий, бодрый’, 2) ‘крупный, сильный, здоровый’, 3) ‘строгий, суровый, гордый’, 4) ‘усердный, работящий’ (по материалам картотеки словаря *Suomen murteiden sanakirja*, хранящейся в Центре родных языков Финляндии (Хельсинки). Как они выстраиваются иерархически и какое место в этой иерархии занимает номинация усердных работников? Устойчивая семантическая корреляция, неоднократно актуализированная в этой ситуации, позволяет полагать в исходе первую группу, тем более что в финских говорах *tomera* и однокоренные *tomakka, tomea* включают в семантическое поле ‘энергичный, бодрый’ компонент ‘проворный, расторопный’ (в словарных статьях приводятся через запятую) [напр., *Suomen kielen etymologinen... 1975, 1340*], сближающиеся с семей ‘усердный’. За пределами собственно финского языкового мира слово в виде *tomer* ‘крепкий, здоровый’ зафиксировано в ливвиковском наречии карельского языка [Suomen kielen etymologinen... 1975, 1340], где может быть финским заимствованием.

Еще один результат семантической деривации – сема ‘усердный’ мотивирующего слова *käpeä* в финских говорах, где наряду с ‘быстрый, бойкий; юркий’ фиксируется номинация ‘рукастый, умелый; трудолюбивый’ [Suomen murteiden sanakirja, <http://kaino.kotus.fi/sms/>]. Впрочем, семантическая парадигма приб.-фин. *käpeä* < *käpedä более разветвлена. На восточной периферии языкового ареала широко бытует сема ‘красивый’, отмеченная в вепс. *käbed*, вод. *čäpeä*, ингерманландских говорах *käppiä* [Suomen sanojen alkuperä 1992, 473–474]. В свою очередь, карельский эквивалент *käpie* реализует семантику ‘страстный, распутный, охотный до девушек’ [Karjalan kielen sanakirja 1974, 555], а эст. *käbe* ‘ловкий, проворный’ [Suomen sanojen alkuperä 1992, 474]. В этой семантической структуре важны регулярные семантические связи (‘быстрый’ → ‘трудолюбивый’), поддерживающиеся многократно (см. выше), которые здесь опосредуются семей ‘юркий’ и далее – ‘проворный’. Регулярностью характеризуется также линия ‘быстрый’ – ‘страстный / жадный’, которая воплотилась в карельской лексеме и которая неоднократно присутствует в семантическом поле в этимологическом гнезде слов, номинирующих трудолюбивых (см. примеры далее). На этом фоне значение ‘красивый’ маргинально, хотя не исключительно.

В финском литературном языке *julma* – ‘жестокий, свирепый, злой’, – однако в говорах его семантические роли более разнообразны: смелый, бесстрашный; вспылчивый, страстный; некрасивый; замечательный, великолепный. В этом ряду находится место и трудолюбивому – рядом с рьяным, ретивым, старательным, готовым делать что-либо [Suomen murteiden sanakirja, <http://kaino.kotus.fi/sms/>]. В родственных языках слово непродуктивно, если не считать некоторые собственно карельские фиксации: *julma* ‘злой, жестокий; угрюмый; большой по размеру’, а также *julmakka, julmie* в значении ‘угрюмый, унылый’, породившем далее семантическую деривацию ‘медлительный, леноватый’ [Karjalan kielen sanakirja 1968, 520]. Этот ряд свидетельствует, с одной стороны, о том, как прихотливы пути семантического развития, допускающие внутри одного словарного гнезда номинацию трудолюбивого и ленивого. С другой стороны, он демонстрирует регулярность в семантической связке ‘страстный, вспылчивый, рьяный’ – ‘усердный’. Она хорошо просматривается и в следующих номинациях списка.

Фин. *ahnas, ahne* ‘жадный, алчный, падкий на что-либо, охотник до чего-либо, рьяный, ретивый’, примерно такая же семантическая палитра свойственна кар. *ahneh, ahnaš*, вепс. *ahlak, ažlak*, вод. *ahnez*, эст. *ahne*. Семантика ‘усердный, работящий’ отмечена в финском (*se o ahne tyähmne* ‘он

усердный работник»), водском, карельском (*ahnakka roadamah*, букв. ‘жадный до работы’) бытовании [Karjalan kielen sanakirja 1968, 6], [Suomen kielen etymologinen... 1987, 6–7], [Suomen murteiden sanakirja, <http://kaino.kotus.fi/sms/>].

Фин. *ankara*, в спектре значений которого ‘строгий, суровый, жестокий; сильный; большой; смелый; гордый; красивый’, а также ‘усердный, желающий делать что-л., делающий что-л. рьяно, старательно’, напр.: *hyvi siäl toimen tulla, pojà on kaik ankari työmiähi* ‘там дела идут хорошо, все сыновья усердные работяги’ [Suomen murteiden sanakirja, <http://kaino.kotus.fi/sms/>], кар.-ливв. *angar, angaru* ‘суровый; трудолюбивый’, *angardua* ‘трудиться старательно’ [Suomen kielen etymologinen... 1987, 18].

Ряд исторических образований основы *vire-*: фин. *vireä*, эст. *vire* ‘бойкий, живой, деятельный, резвый’, – в финских диалектах широко бытует в значении ‘трудолюбивый, усердный’: фин. *virkeä* ‘бодрый, бойкий, оживленный, деятельный’, эст. *virge, virges* ‘бойкий, проворный, но также ‘усердный’. Ряд продолжают фин. *virkku*, эст. *virik*, кар. *virkkku* (< ? фин.), которые наряду с ‘бодрый, быстрый, оживленный’ включают в семантическое поле и компонент ‘усердный, старательный’; фин. *virma*, кар. *virmie, virmei* ‘бодрый, бойкий, оживленный, деятельный’, при этом карельское слово развило также семантику ‘трудолюбивый’ [Suomen kielen etymologinen... 1987, 1785]. В народной финской речи в последней словоформе отмечается семантическая модификация ‘страсть, ярость, неистовство, похоть’, присущая и другим словам нашего списка.

Фин. *uhma* ‘красивый, бойкий, резвый, ретивый, старательный, умелый; слишком большой; жадный’¹, *ukmakka*, ‘бойкий, видный, статный’, *uhvakka* ‘бодрый, крепкого телосложения, смелый’, *uhmastaa* ‘трудиться старательно, усердствовать’, ск. *uhma* ‘старательный; деятельный; умелый; крепкого телосложения’, ливв. *uhmoa* ‘усердно трудиться’ [Suomen kielen etymologinen... 1987, 1516], [Karjalan kielen sanakirja 2005, 394].

В заключение списка номинаций *трудолюбивого* приведем еще одну: зафиксированное в русских говорах Карелии *aped* ‘жадный на работу’ [Словарь русских говоров Карелии... 1994, 21]. Словоформа явно воспринята из территориально смежных прибалтийско-финских источников – вепс. *äred*, люд. *äred (фин. *äreä*, кар. *ärie, ärei*, эст. *äre*), при этом в прибалтийско-финских языках отмечается семантика ‘злой, сердитый; страстный, похотливый; быстрый, резвый’ [Suomen kielen etymologinen... 1987, 1875], но нет контекстов, связанных с трудолюбием. Очевидно, русское диалектное слово в данном случае сохранило значение, бытовавшее в вепско-карельской практике. Во всяком случае, оно идеально укладывается в регулярную семантическую парадигму.

На самом деле список значительно более обширен, воспроизводя всякий раз ту же ситуацию развития семантики ‘трудолюбивый’ из ‘быстрый, энергичный, бойкий’, ‘страстный, рьяный’ и ‘жадный’. При этом предполагаемое Лаури Хакулинемом прототипическое «метеорологическое» значение для *ahkera* ‘трудолюбивый’ входит в набор и некоторых других лексем списка (*kirmie, vireä, äreä*), а также тех, которые остались за его пределами. Приведем в подтверждение еще несколько примеров:

Uhka, uho в восточных финских говорах и карельских говорах ‘холодный пронизывающий ветер, сквозняк’, вепс. *uho* ‘метель’ [Suomen sanojen alkuperä 2000, 367], в этом же этимологическом гнезде фин. *uhota* ‘трудиться старательно, хлопотать’ [Suomen kielen etymologinen... 1975, 1516–1517], кар. *uhkie* ‘смелый; красивый’, *uhkera* ‘усердный, трудолюбивый’; очевидно в этом же ряду *uuhka* ‘падкий на что-либо, в том числе на работу; усердный’ [Suomen kielen etymologinen... 1975, 1513].

Фин. *ujo* ‘холодный пронизывающий ветер’ – ‘быстрый (в движениях); проворный’ – ‘усердный, трудолюбивый’ [Nirvi 1955, 114].

Фин. *navea, navakka*, кар. *n'avakka* ‘сильный, резкий (о ветре, морозе)’, кар. *n'avakka* ‘усердный, старательный’, *näpie* ‘быстрый, бодрый; рукастый’ [Suomen kielen etymologinen... 1994, 370].

Фин. *hohkaa* ‘веять теплом или холодом’ – ‘об усердной работе’ [Suomen murteiden sanakirja, <http://kaino.kotus.fi/sms/>].

Hornata ‘о ветре, холодной погоде’ – *hornia* ‘жадничать, есть с жадностью’, *hornakka* ‘прохладный, холодный’ – ‘сноровистый, умелый’, *hornake* ‘неумный, неуправляемый’ [Suomen murteiden sanakirja, <http://kaino.kotus.fi/sms/>].

Однако насколько верна трактовка метеорологического значения как исходного? Является ли оно на деле таковым? Проведенный анализ показывает, что развитие искомого значения ‘трудолюбивый’ происходит путем объектной специализации определенных значений, связанных с динамическими характеристиками ‘быстрый, бойкий, энергичный’, что естественно разворачивается в ‘проворный, расто-

¹ Разделение на значения подается в соответствии с источником.

ропный, скорый’ – полноценные параметры для характеристики трудолюбия. Помимо динамических качеств усердие маркируется и определенным душевным настроением – упорством, нацеленностью на результат, увлеченностью, горячностью, что соотносит сему трудолюбия с такими характеристиками как ‘рьяный, страстный, жадный’ и др. Однако обращение к изучению внутренней формы слов позволяет восстановить в ряде случаев предшествующий, более ранний этап в семантической деривации и дает возможность «проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир» [Вендина 2002, 10]. Этот этап – семантика движения, причем, быстро и резкого, интенсивного, повторяющегося, ритмичного, хорошо представленная в семной структуре многих производящих основ семантического поля ‘трудолюбие’. Вот некоторые примеры.

Отмеченное выше прилагательное *käpeä* как номинация работающего имеет общую производящую основу с глаголом *käpätä*, который в финском значит ‘идти, шагать быстро’ [Nykysuomen sanakirja 1992, 688], а в карельских говорах – ‘легонько ударить, стукнуть’: *käppäi minu olgupeäl* ‘стукнул меня по плечу’ [Karjalan kielen sanakirja 1974, 559]. Соответственно, фин. *näveä*, кар. *näpie* соотносятся с *näpätä* (фин.), *n’äpätä* (кар.) ‘ударить легко, тронуть, схватить; щелкнуть, ущипнуть’, кар. *n’avahtoa* ‘взмахнуть, щелкнуть, хлопнуть’, *n’äpätä, n’avahuttoa* ‘сделать быстро, идти быстро’. Подобную же связь демонстрирует фин. *roima* ‘бойкий, живой’, *roimakka* ‘быстрый, проворный; работающий’ – *roimia* ‘бить, хлестать, швырять, бросать’. В этом же ряду финское устойчивое выражение *paiskia töitä* ‘вкалывать’ (усердно работать), при *paiskia* ‘швырять, бросать; ударять, хлопать’. Прибл.-фин. *huima* ‘буйный, бешеный, яростный’ характеризуется в финских говорах также семой ‘трудолюбивый, проворный в работе’, а соответствующая глагольная основа воплотилась в виде *huimia* ‘быстро идти; махать; колотить’, *huimata* ‘быстро ударить, хлестнуть; бросить’. Фин. *huhkia*, кар. *huhkie* ‘стараться, трудиться, не щадя сил’, но также ‘суетиться, быстро двигаться; дуть (о ветре)’. Аналогично выстраивается и деривационный семантический ряд из фин. *uhma* ‘энергичный, увлеченный, красивый; жадный, обжора’, *uhmata* ‘усердно трудиться; бить, ударять’, кар. *uhma* ‘усердный; способный’, *uhmoa* ‘усердно делать’, *uhmata* ‘ударить, стукнуть, бить’, *uhmu* ‘удар’. Очевидно, семантика движения лежит и в основе фин. *tomera*, ср. *tomahta ~ tömähtää, tomista ~ tömistä*, характеризующие быстрое движение; напр., ‘внезапно ударить, схватить’, *tomia* ‘рвать, дергать’. Она просматривается и в фин. *topakka*, кар. *toppie*, которые соотносятся с *topata, topostaa, töpöttää* ‘семенить, приплясывать, притопывать’, *töpistää, töppäillä* ‘стучать ногами’². В данном случае движение осмысливается как нанесение ударов ногами по земле [Karjalan kielen sanakirja 2005, 394].

Здесь представлены разные виды быстрого резкого движения: от ходьбы до удара. При этом прибалтийско-финская модель не уникальна. Она реализуется, к примеру, и в русском языке, где семантика высокой скорости системно развивается у глаголов, называющих удары, битые [Борисова 2018, 33]. Анализируя семантико-мотивационные связи единиц, формирующих поля «Трудолюбие» в русских говорах, М. А. Еремина устанавливает среди прочих линии семантической связи с полями «Движение» и «Деструктивное воздействие» (типа *конобóиться* ‘колотиться, биться’, *бóтать* ‘усиленно работать; резать, рвать, бить’, *пазгать* с весьма широким разбросом значений, ср. ‘бить, колотить’, ‘быстро идти или ехать’, ‘сильно дуть (о ветре)’, ‘гореть’, ‘кидать, бросать что-либо’) [Еремина 2014, 64–73].

Не подлежит сомнению, что в это же поле интенсивного движения входит метеорологическая терминология, номинирующая движение воздуха, создаваемое ветром, его порывами. Иначе говоря, метеорологическое значение в истоках своих тоже восходит к семантике движения и, таким образом, не является исходным для номинаций трудяг. Очевидно, многозначность, заложенная в глаголах движения, давала большой простор для дальнейшей семантической деривации, одна из линий которой выводит на характеристику трудолюбия через семы ‘подвижный, спорый, энергичный, физически крепкий, увлеченный, упорный’. При этом по крайней мере часть из глаголов этого ряда может быть квалифицирована как имеющие дескриптивную, звукоподражательную природу, которая наследуется и номинациями трудяг. Дескриптивный характер этих номинаций нередко отмечают и известные этимологические источники, например, этимологический словарь финского языка *Suomen sanojen alkuperä*, который, однако, никак не соотносит их со словоформами, маркирующими движение. В словарной статье *käpeä* никак не обозначена связь с глаголом *käpätä*, номинация *huima* признается «отчасти скандинавской», в то время как глагол *huimia*, приводимый в отдельной статье, предлагается рассматривать как контаминацию *huitoa* и *suimia*. Соответственно, по разным этимологическим стать-

² Данные из картотеки словаря Suomen murteiden sanakirja (Центр родных языков Финляндии, Хельсинки).

ям разведены *näreä ~ näveä*, для которого не исключаются германские истоки, и *närätä*, связываемый как с исконными *parata* и *närpi*, так и со шведским *knärpa*. В разных статьях приводятся *roima* и *roimia*, обнаруживающие, как и приведенные выше пары, явные семантико-мотивационные связи. Наш анализ показывает, что *семантическая эволюция* ‘быстрое резкое движение’ → ‘быстрый, энергичный, страстный’ → ‘трудолюбивый’ подтверждается неоднократно и носит, судя по аналогичному развитию в русском языке, *универсальный характер*.

Подведем некоторые итоги. Номинации трудолюбия, как, впрочем, и многих других личностных характеристик человека, носят в прибалтийско-финских языках вторичный характер. Одна из линий семантической деривации возводит их, с одной стороны, к *наименованиям* динамических качеств ‘быстрый, бойкий, энергичный’, с другой, – душевных особенностей (‘увлеченный, страстный, жадный’), которые оказываются этимологически тесно связанными. При этом этимологический анализ позволяет соотнести некоторые из номинаций с основами, маркирующими особенности движения – резкого, интенсивного, быстрого. Последние, будучи дескриптивными, характеризовались многозначностью, и разные исходные значения такой многозначной производящей основы вели к разным деривационным последствиям. Выявленная закономерность семантической эволюции имеет безусловный этимологический потенциал, предлагая исследователю некий ориентир в поисках истоков названия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- вепс. – вепсский язык
- вод. – водский язык
- вост.-фин. – восточно-финский диалект финского языка
- кар. – карельский язык
- кар.-ливв., ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
- ск. – собственно карельское наречие карельского языка
- фин. – финский язык
- эст. – эстонский язык

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М: Наука, 1974. Т. 1. 474 с.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
- Борисова Е. О.* Развитие семантики скорости у глаголов физического воздействия (на материале лексики русских народных говоров) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 5. С. 33–45.
- Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 334 с.
- Еремина М. А.* Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 204 с.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 5 в. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. В. 1. 512 с.
- Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
- Hakulinen L.* Über die semasiologische Entwicklung einiger meteorologischaffektiven Wortfamilien in den ostseefinnischen Sprachen // Virittäjä, 1934. Vol. 38, URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/29727>
- Карjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I, 1968. 576 s.
- Карjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, II, 1974. 591 s.
- Карjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, VI, 2005. 782 s.
- Карjalaisia sananpolvia. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1971. 640 s.
- Koponen E.* Itämerensuomalaisten kielten meteorologisen sanaston etymologiaa Lauri Hakulisen väitöskirjan aineiston valossa. // Virittäjä. 1999. No. 4. S. 506–530.
- Koski M.* Lauri Hakulinen semantikkona – Virittäjä, 1999, nu. 4, s. 580–585.
- Nirvi R.E.* Sanoja ja käyttäytymistä. Sanahistoriallisia tutkimuksia 1. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955. 102 s.
- Nykysuomen sanakirja. Porvoo, Helsinki, Jyva: WSOY, 1992. 735 s.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, I, 1987. s. 1–204.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, II, 1994. s. 205–480.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, V, 1975. s. 1257–1676.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, VI, 1987. s. 1677–1899.

Suomen murteiden sanakirja. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/>

Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, I, 1992. 503 s.

Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, III, 2000. 503 s.

Поступила в редакцию 18.03.2020

Муллонен Ирма Ивановна,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Сектора языкознания
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: mullonen@krc.karelia.ru

Пашкова Татьяна Владимировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: tvpashkova05@mail.ru

I. I. Mullonen, T. V. Pashkova

SEMANTIC MODEL “DILIGENT” IN THE BALTIC-FINNIC LANGUAGES

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-214-221

The article presents a semantic-motivational analysis of twenty Baltic-Finnic dialect and literary language words used to nominate a hard-working person. The source of the material was the dialect dictionaries of individual Baltic-Finnish languages and their file cabinets. The data of etymological dictionaries are also involved.

The undertaken research was carried out in line with ethnolinguistics, which is developing successfully in Slavic linguistics, despite the fact that practically no such studies were conducted on the material of the Baltic-Finnish languages. Involving as a comparison the corresponding results according to the Russian dialects showed that the linguistic image of the hardworking is characterized by certain universals in the motivation for naming. However, the Baltic-Finnish units differ in their specificity.

The nominations of hardworking people are secondary in them and go back to the names, on the one hand, of dynamic qualities ‘quick, brisk, energetic’, on the other hand, spiritual characteristics (‘enthusiastic, passionate, greedy’) that turn out to be etymologically closely related. It was revealed that they correlate with the basics marking fast, sharp, intense movement – from walking to a blow or a gust of wind. At the same time, a significant part of the verbs of this series can be confidently qualified as having a descriptive, onomatopoeic nature, which is also inherited by the names of hard workers. The revealed regularity of semantic evolution (‘quick abrupt movement’ → ‘fast, energetic, passionate’ → ‘hardworking’) is important for establishing the etymological sources of words that represent the idea of hard work, as it defines a certain algorithm for such a search. Now the lexemes representing the established semantic paradigm are actually divorced according to different etymological articles and the connection between them is most often not indicated in any way.

Keywords: Baltic-Finnish languages, etymology, ethnolinguistics, polysemy, semantic-motivational reconstruction, semantic derivation, sema, semantic field, inner form of the word, etymological nest, descriptive vocabulary.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 214–221. In Russian.

REFERENCES

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Selected Works. Lexical semantics (synonymous means of language)]. Moscow: Science, 1974. V. 1. 474 p. In Russian.

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary against the common Slavic background: semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2014. 488 p. In Russian.

Borisova E. O. *Razvitie semantiki skorosti u glagolov fizicheskogo vozdeistviya (na materiale leksiki russkikh narodnykh govorov)* [The development of speed semantics for physical impact verbs (based on vocabulary of Russian folk dialects)]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2018. № 5. P. 33–45. In Russian.

Vendina T. I. *Srednevekovi chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka* [Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language]. Moscow: Indrik, 2002. 334 p. In Russian.

Eremina M. A. *Len' i trudolyubie v zerkale russkoi yazykovoi traditsii* [Laziness and hard work in the mirror of the Russian language tradition]. Nizhnevartovsk: Publishing House of the Nizhnevartovsk State University, 2014. 204 p. In Russian.

Slovar' russkikh govorov Karelii is opredel'nykh oblas'tei: V 5 vypuskakh [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions: In 5 issues] / Ch. ed. A. S. Gerd. St. Petersburg: Publishing house S.-Petersburg University, 1994. V. 1. 512 p. In Russian.

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchoslavjanskoi perspektive* [The space of the word. Lexical semantics in the Slavic perspective]. Moscow: Indrik, 2008. 528 p. In Russian.

Hakulinen L. Über die semasiologische Entwicklung einiger meteorologisch affektivischen Wortfamilien in den ostseefinnischen Sprachen – Virittäjä, 1934, Vol. 38, URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/29727>

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I, 1968. 576 s.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, II, 1974. 591 s.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, VI, 2005. 782 s.

Karjalaisia sananpolvia. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1971. 640 s.

Koponen E. Itämerensuomalaisten kielten meteorologisen sanaston etymologiaa Lauri Hakulisen väitöskirjan aineiston valossa. Virittäjä, 1999, nu. 4, s. 506–530.

Koski M. Lauri Hakulinen semantikkona. Virittäjä, 1999, nu. 4, s. 580–585.

Nirvi R. E. Sanoja ja käyttäytymistä. Sanahistoriallisiä tutkimuksia 1. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955. 102 s.

Nyky-suomen sanakirja. Porvoo, Helsinki, Jyväskylä: WSOY, 1992. 735 s.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, I, 1987. s. 1–204.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, II, 1994. s. 205–480.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, V, 1975. s. 1257–1676.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, VI, 1987. s. 1677–1899.

Suomen murteiden sanakirja. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/>

Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, I, 1992. 503 s.

Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, III, 2000. 503 s.

Received 18.03.2020

Mullonen Irma Ivanovna,

DrHab, Professor, Chief Research Fellow, Department of Linguistics
Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: mullonen@krc.karelia.ru

Pashkova Tatjana Vladimirovna,

Doctor of History, Professor, Department of Baltic-Finnic Philology
Petrozavodsk State University
33, Lenina st., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: tvashkova05@mail.ru